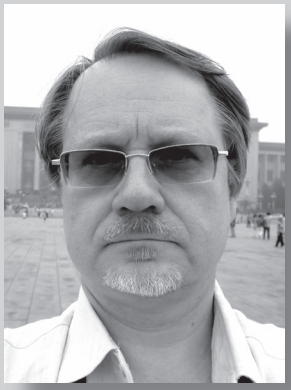
С.Н. Некрасов

РОССИЯ И ВЬЕТНАМ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ ВО ИМЯ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО ПЛАНЕТЫ



Некрасов Станислав Николаевич

доктор философских наук, профессор УрГСХА

День и ночь, день и ночь
Мир повторяет упрямо:
«Руки прочь, руки прочь,
Руки прочь от Вьетнама!»
Советская песня 60 гг. XX в.

Как можно объяснить и успешный ход реформ в современном Вьетнаме? Вьетнам не развалился подобно своему великому северному соседу, не вступил в полосу социальной напряженности, классовой дифференциации, идеологической модернизации подобно коммунистическому Китаю. Вьетнамцы смогли за счет способности к сверхнапряжению очень быстро приспособиться к новым условиям и изменившемуся миру. Казалось бы, развал сначала СЭВ, а затем СССР и разрыв торговых связей должны были привести к краху вьетнамской экономики и смене власти на угодный американцам режим. Но ничего подобного не произошло – не произошло даже нагнетания внутреннего кризиса, и Вьетнам не вступил в полосу потрясений, к которой приближается ныне Куба. В течение нескольких лет вьетнамская экономика была быстро реформирована и переориентирована на сотрудничество со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Ход проводимых Вьетнамом преобразований практически не отразился на таком показателе, как рост рождаемости, в то время как в Восточной Европе и СССР реформы сопровождались резким демографическим спадом. Евразийские и европейские женщины даже чисто физически оказались не в состоянии рожать и воспитывать большое количество детей, что указывает на процесс старения этих народов. Как и старение человека, оно ведет к свертыванию активности, переходу к меньшим нагрузкам, использованию опыта вместо силы. В конечном счете, Вьетнам повысил качество рабочей силы – качество человеческого материала, которое разрушилось в бывшем СССР под влиянием идеологического и нравственного распада, возникшего на базе рыночного реформирования.

Известно, что вьетнамцы воевали с французами, но такой ненависти, как к англичанам и американцам, у них к французам не было. В настоящее время Вьетнам установил тесные связи с Францией и рядом католических стран Европы и Латинской Америки. Любопытно, что Вьетнам стал единым в 1975 г. Я хорошо помню первомайскую демонстрацию того года, когда нам в колоннах сообщили – северовьетнамские танки снесли ворота американского посольства в Сайгоне и янки удирают на свои авианосцы с крыши посольства на вертолетах! Какой восторг был у нас! С пионерского детства ежедневно на линейках и собраниях дружин, на построениях в пионерских лагерях мы слышали про героическую борьбу братского Вьетнама против американских империалистов. И тут такой удар по звездно-полосатым и их южновьетнамским марионеткам! И только Г.Бурбулис – будущий терминатор СССР, злой гений Ельцина – угрюмо смотрел на наше веселье и говорил, указывая на портреты Маркса и Энгельса на Горсовете: «что-то они удивленные смотрят…»

Через несколько дней стало ясно – Вьетнам «наш» и он един. Сайгон стал Хо Ши Мином. В школе мы писали шариковой ручкой на руке в виде татуировки: Но – Но – Но Shie Min, NLF

is gonna win! И все знали, что это сокращение – Национальный Фронт Освобождения. Еще писали: Vietcong – Yes, Yankee – No! Вьетнам не повторил судьбу двух Корей и двух Китаев. Вьетнам как и СССР един. У нас войска М.Фрунзе совершенно так же выбили барона Врангеля из Крыма, форсировали Сиваш и ликвидировали саму возможность существований двух России – белой и красной. Лишь В.Аксенов в романе «Остров Крым» утешался возможностью существования буржуазной белой России в Крыму. Его мечту реализовал Ельцин, сделав Крымом всю Россию…

Во Вьетнаме победившем коммунистическая идеология стала суперэтнической идеологической и культурной доминантой, аналогичной православию в Византии и исламу в афро-азиатских странах. Коммунистическая идеология во Вьетнаме не принесла массовых репрессий или обнищания населения, напротив, она открыла новые перспективы ранее репрессированным колониализмом массам.

Сегодня в усилении глобализационного давления США понимают, что единственным государством Юго-Восточной Азии, способным оказать успешное вооруженное сопротивление им, а также китайской армии (по итогам знаменитой войны, когда пограничники Вьетнама остановили регулярные части НАОК), является Вьетнам. Поэтому американцы будут всячески стремиться столкнуть интересы вьетнамцев и южных китайцев, поддерживающих западных кхмеров и таиландцев, с тем, чтобы втянуть Китай в конфликт с Вьетнамом.

Негативное воздействие на ход вьетнамского развития могут оказать массовые миграции вьетнамцев в другие страны в рамках разработанной на Западе программы «Мир без границ», при котором само проживание вьетнамцев в чуждой им среде чревато зарождением агрессивной западнической и антипатриотической идеологии. Мигранты столкнутся с сформировавшейся идеологией либерализма и индивидуализма, смогут занести ее к себе на родину.

Двести лет колониального гнета, тридцать лет разрушительных войн и еще десятилетия послевоенного голода – всего этого, казалось бы, достаточно не только для того, чтобы разрушить экономику страны, но и безнадежно искалечить души ее жителей. Подобно сказочной птице Феникс, через тридцать лет после окончания войны и после начала эры Дой-Мой (вьетнамская «перестройка») Вьетнам производит впечатление не только материального, но и духовного благополучия. Опираясь на свои древние традиции, Вьетнам сумел совершить невозможное: сегодня последствия недавних трагедий заметны на демографическом уровне: почти две трети вьетнамцев еще не перешагнули рубеж тридцатилетия. Секрет столь быстрого восстановления общества – в мировоззренческом единстве, религиозной и человеческой толерантности, в уникальной способности сохранять самобытность, заимствуя в то же время лучшее из окружающего мира. Эти свойства, укорененные в самом вьетнамском взгляде на мир, делают опыт Вьетнама бесценным для европейцев, живущих в атмосфере постоянных конфликтов и зачастую утративших способность различать за абстрактными ярлыками живых людей. Европейская и американская толерантность – эта священная корова либерализма – на самом деле означает безразличие и отчужденность индивидов буржуазного гражданского общества.

А ведь помимо вьетов на территории Вьетнама проживают представители 53 национальностей, говорящие более чем на сотне языков: конфуцианцы-китайцы, горцы-язычники хмонги и яо, индуисты-чамы и многие другие. Вьеты так же далеки от религиозного единства: среди них есть буддисты и дзен-буддисты, христиане (католики и протестанты), мусульмане и последователи сравнительно новых синкретических религий – хоахао и као-дай. Даже коммунизм в том виде как он был унаследован от дядюшки Хо (Вьетнам остается социалистической республикой с коммунистической партией во главе) трансформировался из государственной идеологии в форму религиозной идентичности – результат свободного выбора отдельного человека.

Сегодня Вьетнам оправдывает староевропейское его название – Индокитай, что точно описывает его положение между двумя великими цивилизациями древнего и современного мира. В XVII веке к этим двум источникам влияния добавился третий: во Вьетнаме появились европейцы, начавшие с проповеди христианства и закончившие к рубежу XIX и XX веков полномасштабной эксплуатацией страны и ее населения.

Исходя из изложенного можно предположить, что мир ждет вьетнамское экономическое чудо, особенно актуальное с учетом того обстоятельства, что кто контролирует Вьетнам, тот контролирует Юго-Восточную Азию. Многие аналитики и историки заключают, что сегодня становится понятно, почему Китай поддерживал красных кхмеров в Кампучии и почему, когда вьетнамцы их разгромили, Китай напал на Вьетнам и потерпел сокрушительное поражение. Не Вьетнам боится Китая, а наоборот. Лет через пять – десять мы можем говорить не о китайском, а о вьетнамском чуде.

Дело в том, что континентальный красный Китай как и Вьетнам неоднороден. Гуандун, Гуанси и Северный Вьетнам – это территория древнего вьетского государства, столицей которого был Кантон. Здесь говорят на диалекте, который понимают в Северном Вьетнаме и не понимают в Пекине. Когда Вьетнам окреп, в Китае испугались сепаратизма южных территорий, а такие настроения там существовали всегда. Если посмотреть на историю Китая и историю китайской философии, станет понятно, что там не было и нет коммунизма. Даже председатель Мао говорил «Вначале я китаец, а потом я коммунист». Не случайно И.Сталин не доверял Мао и полагал, что «он как редис – снаружи красный, а внутри белый».

В Китае существует конфуцианство, которое синтезировало важнейшие идеи древнекитайских философских школ и буддизма, а затем и коммунизма. Китайская культура легко интегрирует любое иноземное влияние. Так, через 100 лет монголы стали «китайцами». Интегратором выступает конфуцианство, которое путают с религией, хотя на самом деле это учение об организации государства. Недаром в каждом китайском городе есть музей Конфуция… вот и сейчас новые коммунистические праздники успешно заменяются секретарями парторганизаций на старые – вроде гонок лодок с драконами и петухами. При этом борьба с коррупцией представляется как праздник очищения без указания имен. В отличие от Китая, Вьетнам был колонией Франции. Французы в отличие от англичан стремились насадить свою культуру. Во Вьетнаме возник уникальный феномен: сегодня вьетнамцы в массе своей воспринимают европейскую культуру и этим они принципиально отличаются от китайцев.

Так, вьетнамцы не ассимилируют элементы идеологий, а воспринимают их как нечто параллельное и их идеологическая основа размывается. Это позволяет вьетнамцам стать восприимчивыми к европейской культуре. Историки показывают, что когда пришли американцы во Вьетнам, там началась совершенно другая война. Вьетнамцы сохранили в целом положительное отношение к французам, но после ужасной войны на уничтожение «Чарли» напалмом к американцам они относятся отрицательно.

Известно, что во Вьетнаме война шла в течение сорока лет. В 1939 году на Вьетнам напали японцы, оккупировали страну. Потом была война сопротивления в рамках Второй мировой войны, на волне которой к власти пришел Хо Ши Мин. В 1945 году началась война с французами, в 1956 году их сменили американцы, которые ушли в 1975-м. Но тут же возникли красные кхмеры, а в 1979 году на них напал Китай. Вьетнам живет в условиях мира с 1980 года, а перемены начались в 1985 году. Из всего этого следует вывод, что новой России следует срочно улучшать отношения с Вьетнамом.

Несомненной нашей ошибкой была сдача США базы Камрань, аренда которой стоила миллион долларов в год. Это была важнейшая в регионе база, инициатором ухода был Ельцин, которого поддержал Путин. Во всех проектах типа ШОС, единства стран БРИК сквозит европейская надменность наших дипломатов обращать внимание только на все большое. Китай в сущности фрагментарная страна, которая в принципе может развалиться – на это и направлена американская тайная работа. Процент успешно участвующих в китайском росте ничтожно мал. То же относится к поражающей контрастами роскоши и нищеты. Вьетнамцы привыкли воевать один против десяти и они прекрасно относятся к русским – они благодарны нам за помощь, оказанную во время войны. У них долго проводились параллели между страданиями вьетнамцев и советских людей во время войны. Там много людей, говорящих по-русски, у власти находятся люди, которые учились в СССР. Россия должна обратиться к стратегическому союзу с Вьетнамом.

Современность несомненно вскоре завершится. Но это будет не глобальный крах: напряженно ожидаемая народами планеты новая эра

(постсовременность) возникнет в тот момент, когда включится мотор культуры русского народа, когда мечты народа и проекты власти совпадут, в результате чего придет в движение весь «русский мир» – внутренний и внешний – и возникнет маяк нового глобального проекта. Этот совершенно русский по духу проект неоиндустриального развития придет на смену либеральному протестантскому мироустроению, гарантировавшему еще совсем недавно ужасный «конец истории» в глобальном рыночном дисциплинарном санатории. Русский проект развития обеспечивает культурное многообразие на планете совершенно также как русский народ уже сохранил на протяжении своей великой истории культуры больших, малых и средних народов, выбравших жизнь вместе в русскими людьми – в рамках их изменяющегося государственного устроения.

Важнейшей задачей моделирования коллективной идентичности оказывается сохранение каждым народом своего народного облика. Лозунг «Да здравствует каждый народ!» пришел к нам из середины XIX в. Такое, в сущности, антиглобалистское настояние идет еще и от Достоевского, полагавшего, что каждый народ привнесет особую наиболее развитую в нем форму жизни в копилку целостного человечества. Тезисы либерал-глобалистов, настаивающих на стирании и унификации национальных, территориальных различий под систему либеральных ценностей американского образца наиболее полно воплощены в доктрине США «Свобода. Сила. Лидерство». Эта доктрина ничем не отличается от идеологии Третьего Рейха и настаивает на ничем не ограниченной свободе для США, силе как условии свободы, лидерстве как цели свободы.

Наконец, мечты всегда создавали общественный идеал. Народ при утрате веры деградирует и перестает быть народом, превращаясь в население, филистерскую массу. Самым страшным следствием реформ 90 гг. XX в. в России, прежде существовавших только в Смуту, была утрата цели и общественного идеала. Как говорили римляне, если не знаешь куда плыть, то нет и попутного ветра в паруса. Когда либералы утверждают, что быть богатым и здоровым и есть наша цель и национальная идея, то вспоминаешь евангельское «не хлебом единым», понимаешь и ту небывалую прежде в СССР скуку, которая поразила богатую верхушку нынешней Эрэфии. В этих условиях взлет утопий неизбежен, ибо общество вправе (пока в мыслях) обуздать эгоизм богатой элиты, вправе налагать ограничения на экономические и гражданские свободы, если они противоречат основам солидарности, нравственности, общественному благу.

У нас, русских и вьетнамцев, свой идеал закона, свой идеал правового государства. В западном идеале источником прав являются свободы. Там права делятся на права первого и второго поколений, что отражено в Европейской Социальной Хартии. Разрыв между правами в либеральном мышлении неустраним. Права второго поколения (право на образование, социальное обеспечение, жилье) понимаются как претензии к обществу, что и отражено в нашей конституции. Такое противоречие наличного законодательства и идеала народа приводит к псевдоколлективистской идентификации. Мечта проектирует подлинную коллективную идентичность, однако ее полагание возможно как забегание вперед и связано с социальным возрастом народов.

Новый персоналистский коллективизм неприемлем для стандартов потребительского общества, навязанного миру финансовой олигархией. Этот индивидуализм построен на безудержной гонке потребления и индивидуальном, либо массовом как в Японии, успехе в этой гонке. Этот механизм потребительской гонки сыграл свою роль в послевоенном подъеме Запада на основе плана Маршалла для Европы. В потребительской гонке возникают глобальные экологические опасности, которые приводят к разделению мира на бедные и богатые страны. Концепция устойчивого развития представляет попытку выхода из этой кризисной ситуации, попытку, несомненно, наивную. При этом предполагается, что установление международного нормативного порядка позволит ограничить аппетиты потребительского общества. Предполагается, что на этой интернациональной основе возникнет новый образ жизни для разных народов – более приемлемый для них, чем американский стандарт и образ жизни. Россия в союзе с Вьетнамом может и обязана стать лидером в этом процессе создания новых международных жизненных норм для XXI в.